

В.М. Васильева

Страницы творческой дружбы

(Из истории творческих отношений

Н.А. Римского-Корсакова и В.И. Бельского)

Среди многочисленных друзей и соратников Николая Андреевича Римского-Корсакова Владимир Иванович Бельский занимает особое место. В музыкальном мире он хорошо известен как автор либретто к трём замечательным операм Римского-Корсакова: «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Золотой петушок», а также целого ряда других оперных сюжетов, к сожалению, композитором не завершённых. Творческий дуэт двух талантливых, чрезвычайно ответственных перед собой и своим временем людей возник, наверное, не случайно. Познакомившийся с Римским-Корсаковым в середине 90-х годов Бельский принадлежал к числу тех молодых людей, которые, увлекаясь музыкой Римского-Корсакова, посещали музыкальные вечера с участием композитора, стараясь глубже понять его гениальные творения. К этому времени Бельский заканчивает университет - юридический, а затем естественный факультеты, однако музыка и литература, которыми он увлекается, становятся главными в его жизни. Слушая музыку, Бельский часто обращал внимание на неравноценность музыки и текста в лучших русских операх - «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», «Князь Игорь». Такое же несоответствие литературной части и музыки он наблюдал и у Римского-Корсакова. Будучи знатоком древней литературы, книжного старинного языка, обладавший немалым поэтическим дарованием, Бельский живо чувствовал, чего не хватало тексту. Мечтая о полном

слиянии музыки и текста, Владимир Иванович стал стремиться к личному знакомству с Николаем Андреевичем, и оно состоялось осенью 1894 года, незадолго до первого приезда Римского-Корсакова в Вечашу.

Однако первое их сближение произойдёт несколько позднее, летом 1895 года - именно здесь, в Вечаше. В «Летописи моей музыкальной жизни» Римский-Корсаков позднее напишет: «В середине лета ко мне в Вечашу приезжал В.И. Бельский. Это лето он проводил в имении Ретень, верстах в 10-ти от Вечаша. Умный, образованный и учёный человек, окончивший два факультета - юридический и естественный, превосходный математик. Сверх того, Владимир Иванович был великий знаток и любитель русской старинной музыки и древней русской литературы - былин, песен и т.д. В этом скромном, застенчивом и честном человеке с виду невозможно было и предположить тех знаний и того ума, которые выступали наружу при ближайшем с ним знакомстве. Страстный любитель музыки, он был одним из горячих приверженцев новой русской музыки вообще и, в частности, моих сочинений».¹

В этих словах выражена очень ёмкая характеристика человеку, с которым Николая Андреевича сведёт судьба на многие годы.

Находясь в Ретенях, Владимир Иванович приходил в Вечашу пешком почти ежедневно. Римский-Корсаков играл ему кое-что из сочинённого из оперы «Садко». Бельский был в величайшем восхищении. Вследствие этого у них возникали и велись нескончаемые разговоры об этом сюжете и его подробностях. Бельский помог Римскому-Корсакову осуществить мысль, подсказанную В.В. Стасовым о введе-

Васильева Валентина Михайловна - ст. научный сотрудник мемориального музея-усадьбы Н.А. Римского-Корсакова «Любеник-Вечаша»

нии в оперу жены Садко - Любавы, а также ряда народных сцен. В знак признательности за такую совместную работу Николай Андреевич подарил позднее Владимиру Ивановичу клавиру «Садко» с надписью: «Сотруднику по либретто, дорогому Владимиру Ивановичу Бельскому от благодарного сочинителя музыки на память». (21 сентября 1897 г.)²

Осмысливая совместно с Римским-Корсаковым сюжет и музыку «Садко», Владимиру Бельскому именно здесь, в Вечаше, удалось впервые заглянуть в творческую лабораторию полюбившегося ему композитора, и может быть, именно с этого момента Бельский окончательно влюбился в музыку Римского-Корсакова. С этого времени между ними начинаются не только творческие, но и дружеские отношения (10 сентября 1896 г. Римский-Корсаков с женой присутствуют на свадьбе Бельских).

Но только что завязавшиеся между ними личные контакты на некоторое время будут прерваны. В декабре этого же года Владимира Ивановича направляют в Вену, а затем в Мюнхен для усовершенствования в области естественных наук. Из Вены Владимир Иванович вскоре пишет: «Господи, с каким нетерпением я ожидаю каких-либо известий о том, куда Вы больше склоняетесь при выборе седьмого сюжета... Скорее бы Вы взяли за сочинение. Теперь я окончательно убедился, что для меня нет другой настоящей безупречной музыки, кроме Вашей, и было бы очень грустно, если бы опер было всего 6».³

Римского-Корсакова, как и всякого творческого человека, часто посещали минуты разочарования, душевного уныния, иногда казалось ему, что ничего больше стоящего он написать не сможет. Именно в такие минуты Николай Андреевич пишет письмо Бельскому в Мюнхен и тут же получает ответ: «Ваше последнее письмо было полно такого мрачного разочарования, что не будь я свидетелем одного подобного периода пос-

ле первой половины «Садко», которая поистине лучезарно закончилась его второй половиной, то я подумал бы, что оперы больше не будет написано. Но теперь я знаю, что не позже, чем этим летом, я получу сюда, в Мюнхен, хоть два такта из нового произведения, а потому не унываю. Только всё-таки обидно, когда Вы говорите непосредственно после «Садко» о возможности упадка в Вашем творчестве».⁴ И далее, здесь же, чтобы отвлечь Николая Андреевича от грустных мыслей, Владимир Иванович делится с ним своими впечатлениями о Мюнхене, восхищается его красотой и своеобразием.

Переписка этих первых двух лет знакомства свидетельствует о том, что Римский-Корсаков и Бельский очень скоро стали дружны и доверительны друг другу. Ибо о своих неудачах можно поделиться только с близким по духу человеком, с ним же приятно разделить и свой творческий успех.

В мае 1897 г. Римский-Корсаков пишет Бельскому снова в Мюнхен: «Дорогой Владимир Иванович, в течение апреля мне удалось написать 16 романсов, которые уже печатаются. Один из них, на слова Майкова, я посвящаю Вам. Быть может, прочтя эти строки, Вы скажете, что я старею, и что мне на старости лет не пристало писать романсы, а я скажу, что на старости оно виднее».⁵

В течение 1897 г. Римский-Корсаков очень часто пишет Бельскому, живущему в это время за границей. В июле этого же года композитор направит ему и партитуру «Садко». А Владимир Иванович, даже забыв сразу поблагодарить Николая Андреевича за эту любезность, начнет тщательно изучать и играть «Садко». Но спустя несколько дней он всё-таки напишет: «...не могу ни оторваться, ни опомниться от восхищения, т.к. по моему, может быть дилетантскому, убеждению - сущность музыки в её выразительности, музыкальной психологии, а сама музыка есть не что иное, как идеализированный и рифмованный эк-

стракт из человеческих вздохов, плачей, упрёков и нежных речей, и самым удивительным в «Садко» я считаю именно эту сторону». И далее: «С Вас может статься, что Вы, пожалуй, и теперь не совсем довольны оперой, а по-моему (конечно, и не только по-моему) на этой опере лежит особенно яркая печать гениальности». ⁶ В этих словах Николай Андреевич конечно видел не лесть, которую так не любил, а желание постичь суть оперы. Владимир Иванович был рад и появлению его следующей оперы - «Моцарт и Сальери», о её создании он узнаёт из письма брата. В это время он написал Николаю Андреевичу: «То, что это создание выйдет совершенным, я не сомневаюсь, потому что если бы Вы не почувствовали в себе для этой задачи силы, то, при Вашей мнительности и самотребовательности, Вы никогда не взялись бы за неё». ⁷

В 1898 г. Бельский возвращается в Россию, в конце этого же года он был удостоен степени магистра политической экономики и статистики. Правда, служебная карьера этим и заканчивается. Но его отношения с Римским-Корсаковым идут всё время по восходящей, они часто встречаются и общаются на музыкальные и литературные темы.

Лето 1898 г. Римский-Корсаков вновь проводит в Вечаше; приехав 2 июня, он будет находиться здесь до 10 сентября. А 13 июля Римский-Корсаков пишет Бельскому письмо в виде стихотворного послания ко дню его именин:

... было б хорошо, когда б в Вечашу
Приехали Вы к нам, на долю нашу
Взглянуть, послушать «Царскую невесту».
В ней есть анданте, модерато, престо,
Ансамбли, арии, речитативы,
Мелодии, аккорды, лейтмотивы,
И кривда драматическая есть,
А правды музыкальной и не счесть.
Три действия набросаны давно,
Четвёртое на треть лишь мне темно. ⁸

(Слова «правда» и «кривда», а также «драматическая» и «музыкаль-

ная» могут быть переставлены. Это зависит от точки зрения на оперную музыку. Прим. Р.-К.)

18 июля 1898 г. Бельский приехал в Вечашу. В письме к своей жене Надежде Николаевне Римский-Корсаков напишет: «...показывал Бельскому «Царскую невесту», играл и пел с помощью Сони... все три акта и кусок четвёртого, который ты не знаешь. Ему всё вообще нравится». ⁹ А в августе он снова напишет Бельскому: «Набросок оперы я кончил несколько дней тому назад, а теперь продолжаю оркестровку и делаю переложение I действия. Хочу надеяться покончить совершенно с оперой к Новому году». ¹⁰ Бельский сразу же напишет большое ответное письмо, выражая своё суждение о «Царской невесте». Он восхищён мелодичностью оперы, которая, как он говорит, «стоит у Вас совершенно особняком», и далее даёт её детальный разбор.

В конце 1898 г. Римский-Корсаков и Бельский подумывают о совместной работе над оперой. Зимой 1899 г. Римский-Корсаков встречается с Бельским и обсуждает сюжет «Сказки о царе Салтане», подсказанный Стасовым, а также сюжет по легенде о «Невидимом граде Китеже» и «Сказании о Февронии Муромской». В апреле Бельский приступает к писанию либретто к опере «Сказка о царе Салтане» по сценарию, разработанному совместно с Римским-Корсаковым.

23 мая 1899 г. Римский-Корсаков вновь со всей семьёй выехал на дачу в Вечашу. 30-31 мая он делает наброски к первому действию «Салтана». А 2 июня Римский-Корсаков уже благодарит Бельского за присланный кусок либретто: «Стихи мне очень нравятся. Боюсь только, что их очень много и придётся кое-что пропустить, для начала же оперы и начала всех действий придумаю короткую фанфару для труб, которая бы выражала заглавную музыкальную фразу типа «Слушайте, послушайте!». ¹¹

6 июня Римский-Корсаков просит Бельского прислать недостающие сти-

хи и сообщает о ходе работы над оперой. Далее письма от Римского-Корсакова идут Бельскому почти каждый день (8, 9, 10 июня и т.д.).

«Сегодня присел и записал вступление II действия на программу «В синем море звёзды блещут» и т.д. до стиха «не по дням, а по часам». Кажется, вышло довольно изобразительно. Оканчиваю вступление тихо, как у Пушкина, т.е. волна осторожно выкинула бочку и тихонько отхлынула назад...».¹²

Оба автора были исключительно осторожны к Пушкинскому тексту, старались сохранить не только идею, но даже и интонацию стиха.

В это лето Римский-Корсаков пишет очень много писем, в основном адресованных Бельскому. Все они исключительно деловые, скупые, озабоченные, но в них всегда можно найти также очень лаконичные, в виде ремарок, замечания о состоянии природы. Такие пометки встречаются и на рукописях сочинений. Например, на рукописи вступления к I картине III действия «Салтана» такая запись: «Третий день жара и тишина». По таким коротким и неожиданным фразам можно судить, что состояние природы для него очень важно, он всё замечает, что происходит в природе, и сопереживает эти изменения, в них он видит чудо. Ко времени работы над «Салтаном» относятся его наблюдения за насекомыми в летнюю пору, об этом он делает заметки в записных книжках: «Мошкара жужжит на фа-диез, жуки на ре, пчела на си, шмель на до-диез». Только при таком тончайшем наблюдении за природой можно создать такое музыкальное чудо, как «полёт шмеля» в опере «Сказка о царе Салтане». Но особенно много у Римского-Корсакова сообщений в письмах к друзьям, родным и знакомым о своих наблюдениях за птицами здесь, в Вечаше. Их пение, несомненно, помогало композитору найти свой музыкальный образ, воссоздать ту или иную музыкальную картину. В письме от 23 июня Римский-Корсаков пишет Бельскому: «Вступление к предпоследней

картине я полагаю начать ночной музыкой с некоторым птичьим пением, которое всё-таки будет зиждиться на мотивах птицы-Лебеди. Момент превращения её в девицу у меня тоже имеется в проекте».¹³

25 июня, получив от Бельского текст, Римский-Корсаков делает ему ряд замечаний: «Не знаю, примусь ли сейчас за эту сцену, т.к. сочинение тут несколько оборвалось. То, что Вы пишете насчёт разнородных интонаций в голосе царевича - не признаю, хочу написать музыку, а не «Детскую» Мусоргского, в которой ребёнок карикатурно кривляется. Обращение побочных наонакордов не напишу, и представляю их будущему Берлиозу или другому кому-нибудь».¹⁴ В письме чувствуется явное раздражение. Подобных недопониманий в трактовке музыкальных мыслей у композитора и автора либретто достаточно много - сговариваться на расстоянии очень и очень сложно.

28 июня Римский-Корсаков просит Бельского приехать и захватить с собой все записи текста для следующих картин. На что Бельский отвечает: «5 или 6-го, если не будут валиться с неба камни и если мы не стесним Вас ночлегом, мы будем у Вас с Ириной и разрешим с Вами, вероятно, все мелкие недоразумения».¹⁵ И последующий месяц июль был наполнен ожиданиями Бельского. Римский-Корсаков прямо зазывает его к себе. В письме от 4 июля: «У нас уже стоит 3-ю неделю идеальная погода, чудные вечерние зори, удивительно раскрашивающие небо и озеро. Я гуляю почти только в саду, который очень люблю».¹⁶ 24 июля: «С нетерпением жду от Вас ответа с текстом последней картины и конца предпоследней. На даче осталось мне жить и работать месяц с небольшим. 3 действия и пролог можно считать почти сделанными, неужели же невозможно в оставшееся время сладить с остальным? Я ужасно доволен и планом оперы, и подробностями сцены, и большинством стихов. Без Вас вообще бы этой оперы не было бы».¹⁷

6 августа В.В. Ястребцев в своих дневниковых записях напишет: «Вечером явились Бельские, говорили о мелодии счёта, о «Песне о вещем Олеге», которую композитор начал писать, его романах и пр.»¹⁸ (В эти дни, в начале августа, у Римского-Корсакова гостили В.В. Ястребцев, Бельские, Н.И. Рихард).

После отъезда из Вечаша Бельский в своём письме от 19 августа суммирует впечатления от прослушанной оперы: «Ваша опера, которую я до сих пор всё внутренне слушаю, всё ещё держит мои чувства в повышенном тоне... К скерцо шмеля я довольно равнодушен, но всё прочее просто меня умиляет, как бытовое, так и фантастическое, и лирическое, и трагическое. Встреча Гвидона ослепительна».¹⁹

После окончания «Салтана» в письме к Забеле-Врубель композитор пишет: «Я устал, как всегда после окончания оперы, но, вероятно, без перерыва примусь за что-нибудь другое (кое-что затеяно и бродит в мыслях). Я даже сам тягочусь своей старческой лихорадкой, какая-то малярия сочинительства, но я боюсь остановиться, опустошиться и помереть. Последнее не страшно, а от первого храни бог».²⁰

Это «кое-что», о чём намекает Римский-Корсаков, не что иное, как «Китеж», который был задуман Римским-Корсаковым совместно с Бельским. Его наброски появляются в записных книжках уже в январе 1901 г. В сентябре этого же года Римский-Корсаков в кругу своей семьи сообщает: «Если Бельский изготовит то, что хотел, и если это окажется хорошим, то он (Римский-Корсаков) сообщит, какую новую и последнюю оперу он задумал написать. Она будет самая фантастическая, таинственная и мистическая».²¹

В этих словах дана очень интригующая характеристика оперы, к которой он, может быть, шёл в течение всей своей жизни. Идея создания этой величественной оперы целиком захватила композитора. Он будет постоян-

но торопить либреттиста. В сентябре он в шутливых стихах напомнит Владимиру Ивановичу о новом сюжете:

Вянет лист, проходит лето
Мокрый снег валится
От неймения либретто
Можно застрелиться²²

В октябре одному из друзей Римский-Корсаков сообщает, что Бельский «чрезвычайно удачно сделал уже две картины «Сказания» и скоро закончит третью». И хотя начало оперы пошло, и, кажется, неплохо, на самом деле опера писалась долго и сложно, причиной тому были и масштабность, и глубина замысла, ибо они от начала пишут «сказание, а не музыкальную драму»,²³ как заметил известный музыкальный критик Е. Петровский.

Раздражения и недовольства друг другом были часты, тому подтверждением письмо Римского-Корсакова Бельскому от 4 августа 1903 г., где он чрезвычайно рассержен и даже гневен на пожелание Бельского выразить в музыке «задыхающийся от избытка восторг» в одной из последних картин. Однако на другой же день Римский-Корсаков пишет письмо, в котором выражает извинения и досаду на свою раздражительность. Взаимные уступки и искреннее желание понять и как можно точнее выразить идею оперы — всё это, несомненно, способствовало их творческому успеху.

1904 год. 5 мая Римский-Корсаков уехал в Вечашу в надежде закончить «Сказание» этим же летом. В интересах Николая Андреевича в данный период желательным было бы присутствие рядом Владимира Ивановича; последний, по-видимому, тоже к этому стремился. Перед отъездом Римских-Корсаковых в Вечашу Владимир Иванович обратился к ним с просьбой приискать и для него поблизости дачу. На эту просьбу Надежда Николаевна Римская-Корсакова уже 6 мая даёт ответ: «Сообщаю Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, что удалось узнать о дачах. У гр. Татищевой нет ничего, всё занято. У Тирана

на Плюссе есть три дачи - за 300 р., 250 р. и 150 р. Насчет Гривцова не узнала ничего».²⁴ Римский-Корсаков в этом открытом письме делает приписку: «Днём и ночью пение умильное и на все голоса ликование», - этой цитатой из монолога Февронии он как бы вновь соблазняет Владимира Ивановича на проезд в Вечашу. Но снять дачу поблизости от Вечашы в это лето Бельскому, видимо, так и не удалось. Он позднее будет приезжать сюда, но на очень короткое время, иногда на несколько часов. А пока между ним и Римским-Корсаковым будет идти активная переписка. 11 мая Римский-Корсаков сообщит Владимиру Ивановичу нечто противоположное содержанию первого письма: «Здесь в эти дни нет никакого пения умильного, и нет никакого ликования. Холод собачий. В день ангела Старчица из «Садки» снег валил хлопьями». И далее: «Ястребцев нашёл возможным сблизить сюжет «Китежа» с купальским культом, т.к. Св.Февронию празднуют 25 июня, т.е. на другой день после Ивана Купалы. Я ему, впрочем, помог, написав, что действие происходит на берегу Светлого Яра, - это ли не Купальский культ! Кажется, вне сомнения».²⁵

В самый разгар работы над «Китежем» сговариваться было всё труднее, письма были переполнены техническими разборами литературной части и музыкальных кусков. Наконец они оговаривают срок приезда Владимира Ивановича в Вечашу на август месяц. Римский-Корсаков в ожидании этого приезда напишет: «Страшно буду обрадован приездом Вашим. Мне о многом надо с Вами поговорить по части оперы, на многое надо решиться самому, и при свидании представить на усмотрение Ваше. Не разжигайте себя мыслью услышать какие-то чудеса. Чудес никаких нет, а есть недурная музыка, с одной стороны, и великая сушь - с другой».²⁶

И композитор, и либреттист, работая над «Сказанием», чувствовали особую ответственность перед этой монументальной оперой. Предчувствие

создания Римским-Корсаковым исключительного шедевра музыкального творчества захватило Бельского настолько, что либретто получило самостоятельное художественное значение. Недаром академик Кони представил его на соискание Пушкинской премии и должен был снять своё предложение только по формальным основаниям, поскольку либретто вышло в свет ранее установленного условиями премии срока, а профессор русской истории А.И. Пресняков рекомендовал либретто своим ученикам как образец русского книжного языка XVI века.

Опера была закончена композитором в черновом варианте летом 1904 года. 9 июля он сообщит Бельскому: «Я кончил».²⁷

1905 год являл собой накал общественно-политических страстей в России. Не будучи революционером по духу и своей художественной натуре, Римский-Корсаков, как человек большой личной и гражданской честности, не может не выразить своего отношения ко всему происходящему в стране. Высшей точкой его политической солидарности явилась опера «Кашей Бессмертный». И не только эта опера. Он судорожно ищет для себя новые сюжеты. Приехав вновь в Вечашу 3 мая, Римский-Корсаков находится всё ещё в возбуждённом состоянии. В письме к Надежде Николаевне от 4 мая он пишет: «Пробовал читать «Философию религии» - тяжело для моих мозгов. Читаю «Поединок», очень нравится».²⁸ 8 июня Николай Андреевич сообщает Надежде Николаевне, что принялся за писание «Летописи», пробовал переделывать некоторые романсы.

21 июня Римский-Корсаков написал набросок к опере «Земля и небо». В тот же день он пишет жене, находящейся за границей в связи с лечением сына: «Сад, озеро, земляника, тихое житьё - всё это чудесно. Вы там читаете всю правду, а мы здесь довольствуемся лишь пометами газет, какие ужасы творятся в России в настоящую минуту для обуздания и согнущия в бараний рог. А с «Князем По-

тёмкиным» вышла штука небывалая. А всё это плоды мордобития, сечения, расстреливания и повешений. Много ещё всего этого будет».²⁹

4 июля Римский-Корсаков в письме к Ястребцеву сообщает: «Начата работа по «Руководству к оркестровке», занимаюсь-то я занимаюсь, да не сочинением музыки, даже не оркестровкой старых сочинений».³⁰

Такая разбросанность в работе не характерна для Римского-Корсакова и свидетельствует о его беспокойном духовном состоянии.

Наконец, в первых числах августа, Римский-Корсаков пишет к Бельскому: «Ах, как бы хотелось иметь в руках, хотя бы кратко, в общих чертах, записанную программу «Стеньки Разина». Если бы у меня была такая программа, я бы, может быть, кое-что придумал из музыки... так бы хотелось».³¹

19 августа Николай Андреевич благодарит Бельского за присылку сценария первых двух картин «Стеньки». А 2 сентября он уже благодарит его за сценарий к третьей картине. Это письмо вообще очень многозначительно для понимания идеи оперы. Выражая своё отношение к предложенному Бельским сценарию, Римский-Корсаков выступает как истинный художник, который не может просто копировать жизнь с её порой жестокой и нелепой правдой. Не навязывая своих выводов, он хотел лишь намекнуть на важность идеи и мечтал построить оперу так, чтобы слушатель сам сделал для себя выводы.

Римский-Корсаков, с одной стороны, желал изменений в общественно-политической жизни страны, видя их неизбежность, с другой - интуитивно понимал, что новое сметёт вместе с плохим и всё хорошее из прежней жизни. Это пугало его и, видимо, стало основным препятствием в осуществлении этого оперного сюжета. Весь август идёт активная переписка между композитором и либреттистом. Только в монографии А.Н. Римского-Корсакова вместе со сценарием приведены

полностью семь писем Римского-Корсакова, написанные Бельскому из Вечаша, и все они о «Стеньке» (последнее письмо от 7 сентября).³²

Когда Римский-Корсаков окончательно отказался от «Стеньки» - сказать трудно, но ещё в декабре Бельский в своём письме к Николаю Андреевичу замечает: «Реакция в полном разгаре, время родиться новому Стеньке. Я теперь согласен ещё более идеализировать и расцветить последнюю картину «разбойничьей песни».³³

Дальнейших упоминаний в переписке композитора и либреттиста об этом сюжете не имеется, но хотя эта опера не была завершена, тем не менее она сыграла важную роль в выборе завершающей темы в творчестве Римского-Корсакова - его оперы-сатиры, или «небылицы в лицах» - «Золотого петушка».

Мысль о пародийном или сатирическом музыкальном истолковании пушкинской сказки подсказывалась самим временем. Чьей было больше инициативы при выборе как сюжета, так и гротескно-сатирического характера оперы, трудно сказать, однако факт случился, и новая опера началась. Бельский и на этот раз был к услугам композитора. 19 октября Римский-Корсаков пишет Бельскому в стихах:

Нет ни службы, ни работы
В день торжественной субботы.
Двадцать первый декабря,
Ни на что не посмотря,
К Вам собираюсь на минутку.
В третьем часе меня ждите,
Коль нельзя, то напишите.
Сочинять хочу не в шутку
«Золотого петуха».

Хи-хи-хи да ха-ха-ха!³⁴

Именно 21 октября и состоялась встреча Римского-Корсакова и Бельского для конкретного разговора о «Золотом петушке». В это же время появляются в записной книжке композитора первые наброски «Петушка».

Работу над этой оперой А.Н. Римский-Корсаков - сын композитора в своей монографии назвал «стремительной». И это было действительно так.

Потребность работать без передышки была продиктована не только своевременностью избранного сюжета, который носил явно политический характер, но и желанием успеть её завершить. Не будучи пессимистом, Римский-Корсаков, как натура тонко организованная, уже смутно ощущал приближение своего конца, и потому не мог не спешить. Эта поспешность создавала ещё больше сложностей для совместной работы композитора и либреттиста.

Главная работа над оперой приходится на лето 1907 года, которое Римский-Корсаков проводит в Любенске [2 июня Римский-Корсаков, желая подбодрить Бельского, сообщает ему: «Цири-ци, цири-цу-цу, второй акт пришёл к концу (конечно, вчерне), Земляника, жасмины, пионы. Любящий Вас Н.Р.-К.] Соавторы вновь находятся на расстоянии друг от друга, что также осложняет творческий процесс. Договориться о тонких и конкретных вещах по-прежнему сложно. Иллюстрацией тому служат их многочисленные письма. Например, в письме от 13 июня Римский-Корсаков пишет: «Не согласитесь ли в начале третьего действия сделать прибавку стихов восьми? Хорошо бы было до выхода ключницы дать народу несколько фраз разговора между собой такого именно содержания: «Петушок-то золотой на спице словно жар горит при солнышке - Так-то так, да вот с востока лезет чёрная туча: не предвещает ли она чего худого... и т.д.». Мне хотелось бы, чтобы мотивы, заданные Вами для музыкального описания, были не только в сценарии, что будет мало понятно, а и в разговоре народа».³⁵ Эту задачу Владимиру Ивановичу удаётся осилить не без труда. Ему лично хотелось, чтобы народ оставался «лицом», а не «рамкой» для других лиц. Требуемую вставку он делает в приемлемой для него форме, и сразу же высылает, цитируя не без иронии фразу из «Петушка»: «Ваша прихоть, Ваш приказ - мне закон на каждый раз».

И косвенно, и открыто настоятельно Римский-Корсаков постоянно приглашает Бельского приехать в Любенск. В письме к Ястребцеву Римский-Корсаков сетует на ряд несбывшихся ожиданий приезда в Любенск друзей и, в первую очередь, конечно, Бельского, с которым так много надо оговорить. Содержание многих стихов в либретто вызвало недоумение Римского-Корсакова, часто спор возникал вокруг одного слова. Оба - и композитор, и либреттист могли без усталости искать то единственное слово, которое не исказит смысл, а будет предельно точным и выразительным. Такая черновая, очень сложная работа над текстом прослеживается и в письме композитора Бельскому от 26 июля, в котором хорошо видно, как Римский-Корсаков был внимателен ко всем предложениям Бельского, несмотря на то, что к общему варианту приходили не всегда сразу. В период работы над «Петушком» оба автора находятся на эмоциональном подъёме. Это чувствуется в нетерпеливом ожидании писем друг от друга, ласковом обращении друг к другу. «Милый, добрый, хороший, превосходный Владимир Иванович, сделайте, пожалуйста, так...», или - «Дорогой, сделайте Вы. Вы сумеете сделать, как всегда, превосходно». Но и при таком эмоциональном накале у Римского-Корсакова встречалась хандра. В середине лета он пишет Бельскому: «Дорогой Владимир Иванович, довёл партитуру до рассказа царицы. Надо сделать некоторую постановку. Во-первых, устал так, что свет не мил, а во-вторых, раньше отделки рассказа надо вернуться к вступлению, с которым он имеет много общего. Дело в том, что я вступлением недоволен, и это недовольство давно уже лежит свинцом на сердце».^{35а}

В конце июля Бельский сообщает Римскому-Корсакову о своём намерении приехать в Любенск, на что композитор ответит: «Несказанно рад Вашему решению. Не надо обращать внимания на дождь: у вас проливной, а через пять часов и двести верст до-

роги, может быть, никакого дождя и нет по нынешней переменной погоде, а в случае дождя можно переждать в деревнях. Жду с нетерпением».³⁶ (27 июля 1907 г.). Однако, как справедливо заметил Андрей Николаевич (сын композитора), «мы не можем разделить этой радости встречи, ибо личное свидание между поэтом и композитором скрыло от нас интереснейшие переговоры между ними в столь ответственный, кульминационный момент работы над оперой».³⁷ Здесь, в Любенске, завершилось «здание сатиры», уточнялись многочисленные детали, расставлялись нужные акценты. 29 августа опера была закончена. В любенском доме, в кабинете композитора, представлен автограф с этой пометой.

Но и после завершения композитором оперы Бельский не перестаёт думать о ней. Его беспокоит сценическая судьба «Золотого петушка». Композитору он даёт очень принципиальные рекомендации в отношении постановки и послесловия к опере.

«Золотым петушком» ещё не заканчивается совместная творческая работа Н.И. Римского-Корсакова и В.И. Бельского. Задумывая новую оперу, Римский-Корсаков именно Бельскому напишет: «Подумываю о смерти Эвридики. Хочу просить Вас набросать обстоятельное начало до появления Эвридики и Орфея. Подумайте о декорации и о сценических действиях по по-

рядку».³⁸ Но дальнейшим творческим планам не суждено было осуществиться. 8 июня 1908 года Николай Андреевич Римский-Корсаков скончался.

Владимир Иванович Бельский пережил своего кумира на 38 лет. Но боль по утраченной гармонии в то счастливое для него время совместной работы с композитором не покидала его до конца дней.

После революции Бельский эмигрировал, длительное время жил в Югославии, затем в Германии. Литературная деятельность его прекратилась. Единственным утешением в его жизни были воспоминания о прошлом да письма членам семьи композитора. В одном из таких писем он писал: «Николай Андреевич для меня уподобился драгоценному сосуду, несущему сверхъестественную благодать, а потому и самый сосуд - его личность - сделался для меня священным, и быть возле него стало счастьем».³⁹

Умер Владимир Иванович Бельский в марте 1946 года в Германии, похоронен на Гейдельбергском кладбище.

Жизнь В.И. Бельского - выражение всепоглощающей любви к музыке Римского-Корсакова, полное подчинение собственных интересов творчеству великого музыканта. Творческая дружба этих двух талантливейших людей своего времени являла собой прекрасный дуэт служения великому искусству.

Примечания

1. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М, 1955, с.200.
2. РИИИ, кабинет рукописей, ф.8, д.1949.
3. Барсова Л. «...а не знаешь, где живешь взаправду» // Час пик, 1996, № 153, с.16.
- 4, 5. Там же.
6. Орлова А.А. Страницы жизни Н.А. Римского-Корсакова, вып. III Л., «Музыка», 1973, с.102.
7. Там же, с.104.
8. РНБ, ф.61, Бельский В.И., д.6, л.26.
9. РИИИ, кабинет рукописей, ф.7, п. Н.А. Римского-Корсакова Н.Н. Римской-Корсаковой.
10. РНБ, ф.61, Бельский В.И.
11. Орлова А.А. Указ. соч., с.175.
12. Там же, с.176.
13. РНБ, ф.61, Бельский В.И.
- 14, 15. Там же.
16. Орлова А.А. Указ. соч., с.180.
17. РНБ, ф.61, Бельский В.И., п. Римского-Корсакова Бельскому.
18. Ястребцев В.В. Н.А. Римский-Корсаков. Воспоминания В.В. Ястребцева. Л., 1960, с.85.
19. РНБ, ф.61, Бельский В.И., ед. хр.7, л.11.
20. А.Н. Римский-Корсаков. Н.А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. Вып. IV. М. 1946, с.11.
21. Ястребцев В.В. Указ. соч., с.255.
22. А.Н. Римский-Корсаков. Указ. соч., вып. V, М., 1948, с.7.
23. Русская музыкальная газета. 1907, № 3, Петровский Е.М. «Сказание о Китеже».
24. РНБ, ф.61, Бельский В.И., д.9, л.10.
25. РНБ, ф.61, Бельский В.И., д.10, л.11.
26. А.Н. Римский-Корсаков. Указ. соч., вып. V, М., Музгиз, 1949, с.101.
27. Там же, с.103.
- 28, 29. РИИИ, кабинет рукописей, ф.7, пп. Н.А. Римского-Корсакова Н.Н. Римской-Корсаковой.
30. НИПБ, ф.902, Ястребцев В.В., п. Н.А. Римского-Корсакова Ястребцеву от 4 июля 1905 г.
31. А.Н. Римский-Корсаков. Н.А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. Вып. V. М., Музгиз, 1949, с.112.
32. Там же, с.119, 120.
33. Там же, с.122.
34. РНБ, ф.61, Бельский В.И., д.11, л.8.
35. РНБ, ф.61, Бельский В.И., д.12, л.11.
- 35а. А.Н. Римский-Корсаков. Н.А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. Вып. V, с.140.
36. Там же, с.142.
37. Там же.
38. Там же, с.148.
39. Час пик, 1996, № 153, с.16.